

Соединяя миры: дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России

Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova.av@dvfu.ru
Елена Юрьевна Костина
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kostina.eyu@dvfu.ru

Аннотация. Миграция из стран Центральной Азии играет всё более заметную роль не только в демографической динамике, но и в трансформации городской повседневности на российском Дальнем Востоке. Руководствуясь этим тезисом, в данной статье мы попытались рассмотреть, каким образом дети мигрантов становятся агентами, "проводниками" между принимающим и мигрантским сообществом, как их повседневные практики отражают и одновременно переопределяют границы между "своими" и "чужими". В основу исследования положен количественно-качественный подход, ориентированный на использование методов вторичного социологического анализа, анализа статистических данных, неформализованного интервью. Было установлено, что дети мигрантов являются важными агентами интеграционных процессов, формируют гибридный языковой репертуар и выступают эффективными посредниками между мигрантским и принимающим региональным сообществом.
Ключевые слова: миграционные процессы, дети мигрантов, Центральная Азия, Дальний Восток, принимающее сообщество, культурное посредничество, повседневные практики

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования ДВФУ FZNS-2023-0032 "Социальное пространство благополучия детства: комплексный анализ"

Для цитирования: Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Костина Е. Ю. Соединяя миры: дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Connecting Worlds: Children of Migrants from Central Asia in the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova.av@dvfu.ru
Elena Yu. Kostina
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kostina.eyu@dvfu.ru

Abstract. Migration from Central Asian countries plays an increasingly significant role not only in demographic dynamics but also in the transformation of everyday urban life in the Russian Far East. Guided by this premise, the present article examines how migrant children become agents and "conduits" between the host and migrant communities, and how their everyday practices both reflect and reinterpret the boundaries between "us" and "them". The study is based on a mixed-methods approach that combines secondary sociological analysis, statistical data analysis, and non-formalized interviews. The findings show that migrant children act as key agents of integration processes, develop hybrid linguistic repertoires, and serve as effective intermediaries between migrant families and the host regional community.
Key words: migration processes, migrant children, Central Asia, Russian Far East, host community, cultural mediation, everyday practices

The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education for FEFU FZNS-2023-0032 "The Social Space of Childhood Well-Being: A Comprehensive Analysis".

For citation: Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kostina E. Yu. Connecting Worlds: Children of Migrants from Central Asia in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 113–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/113-122>

Введение

В настоящее время миграция выступает одной из ключевых характеристик развития современного российского общества. Она затрагивает экономику, демографию, систему социальных отношений, изменяет привычные институциональные структуры и повседневные практики, что проявляется как на общенациональном, так и на региональном уровне. И Дальний Восток (ДВ) в данном отношении представляет собой весьма показательный пример, поскольку здесь миграционные процессы являются не только ответом на демографические вызовы, но и важным ресурсом регионального развития.

Миграционная ситуация на Дальнем Востоке отличается ярко выраженной асимметрией. С одной стороны, если речь идет о межрегиональной миграции, то здесь имеет место устойчивый отток населения из субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) в другие российские регионы, прежде всего в субъекты Центрального и Северо-Западного федеральных округов (ЦФО и СЗФО). С другой стороны, в отношении международной миграции наблюдается противоположная тенденция: приток иностранных мигрантов частично сглаживает демографические потери и остаётся одним из основных источников восполнения численности постоянного населения. Подобная разнонаправленность неоднократно отмечалась в исследованиях дальневосточных авторов, включая и наши предыдущие работы [13; 14; 17; 7].

Иностранные мигранты, прибывающие в субъекты ДФО, в подавляющем большинстве – это граждане стран СНГ, в первую очередь государств Центральной Азии (ЦА) [см. подробнее: 11]. Среди них заметную долю составляют кыргыстанцы, таджикистанцы, узбекистанцы, ориентирующиеся на дальневосточные регионы как на пространство занятости и заработка. В основном мигранты из центральноазиатских государств сконцентрированы в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Приморье, а внутри этих регионов – в их столичных центрах: Якутске, Хабаровске, Владивостоке [8]. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что вместе со взрослыми мигрантами приезжают и их дети, а часть детей рождается уже на Дальнем Востоке, формируя новое поколение, одновременно выступающее носителем определённой этнической идентичности и включённое в локальную среду дальневосточных городов.

Научная литература, в которой рассматриваются миграционные процессы на Дальнем Востоке, в значительной степени фокусируется на макро- и мезоуровнях анализа. В исследованиях обсуждается, в какой мере въезд иностранной рабочей силы способен компенсировать демографический спад, как мигранты влияют на экономическое развитие и инфраструктуру, каковы возможные риски и угрозы для национальной и региональной безопасности, обусловленные воздействием внешней миграции [9; 18]. Широко представлены работы, связанные с изучением адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов: анализируются их отношения с местным населением, стратегии включения в рынок труда, механизмы выстраивания идентичности и взаимодействия с принимающим сообществом [10; 4].

Гораздо меньше внимания уделяется тому, как миграция переживается внутри семей, как меняются повседневные практики, родительно-детские отношения, религиозная и культурная жизнь мигрантских сообществ [5; 6; 3]. Единичными являются работы, посвящённые детям мигрантов [12; 2], хотя именно они (дети) оказываются в самой плотной зоне пересечения разных миров: школьной среды, дворовых и онлайн-сообществ, семейных ожиданий и нормативных требований принимающего социума. А между тем указанные повседневные практики – школьное и внеучебное общение, использование цифровых ресурсов, участие в религиозной жизни семьи, формирование дружеских отношений – играют ключевую роль в воспроизводстве и трансформации социальных связей как внутри мигрантских диаспор, так и между мигрантами и местным населением.

В условиях пространственной удалённости, культурного многообразия и демографической уязвимости Дальнего Востока разносторонний опыт включения детей мигрантов в новые социальные условия приобретает особое значение. Зачастую именно дети для взрослых мигрантов являются "проводниками" в принимающем сообществе. Они быстрее осваивают русский язык, помогают родителям ориентироваться в деятельности образовательных, медицинских, социальных учреждений, выступают посредниками в процессе взаимодействия с местным населением и государственными структурами. Поэтому в данной статье мы бы хотели сфокусировать своё внимание на роли детей в процессе адаптации и интеграции мигрантов из Центральной Азии в принимающем дальневосточном сообществе.

Теоретическая рамка исследования

Наш основной ключевой исследовательский вопрос заключается в том, каким образом дети мигрантов становятся агентами, связующим звеном меж-

ду принимающим и мигрантским сообществом, как их повседневные практики отражают и одновременно переопределяют границы между "своими" и "чужими". Следовательно, необходимо обратиться к теоретическим подходам, которые позволяют концептуализировать посредническую позицию детей-мигрантов. В данном отношении наиболее перспективными нам представляются аналитические конструкты культурного и языкового посредничества (cultural brokering, language brokering), которые получили широкое распространение как в зарубежных, так и в российских исследованиях миграции.

Термин "культурный посредник" первоначально использовался в антропологии для обозначения акторов, которые соединяют различные социальные миры, способствуя трансляции норм, ценностей, практик [26; 22]. В рамках миграционных исследований эта идея получила дальнейшее развитие: дети, находясь в более интенсивном контакте с окружающей социальной средой (школа, оффлайн- и цифровые коммуникации, формальные и неформальные сообщества), часто становятся посредниками между семьёй и социальными институтами принимающего сообщества [24; 23].

Близкая по смыслу, но более узкая по охвату концепция языкового посредничества опирается на анализ практик языкового перевода и сопровождения, где дети выступают "голосом" семьи в ситуациях взаимодействия с государственными и социальными институтами [27]. В дальнейшем исследователи обратили внимание на двойственность данной роли. С одной стороны, она способствует развитию навыков и укреплению агентности детей. С другой стороны, может приводить к снятию ответственности со взрослых и переносу её на детей, изменениям внутри семейной иерархии [25].

Российские авторы также обращаются к вопросам места и роли детей мигрантов в процессе адаптации и интеграции в принимающее сообщество через призму их включённости в образовательное (школьное) пространство, формирования межкультурной коммуникации, отношений "свой – чужой" [16; 21]. Отечественные исследователи также отмечают, что дети часто становятся проводниками новых норм и ценностей, посредниками между семьями мигрантов и образовательными организациями, цифровой инфраструктурой, службами социальной поддержки [1]. При этом дети сохраняют связь с этнической и религиозной традицией своей семьи и одновременно являются носителями гибридной идентичности, формируемой в условиях новой социальной среды принимающего сообщества.

Сочетание концептов культурного и языкового посредничества даёт нам возможность рассматривать детей-мигрантов как активных акторов, обладающих специфическим ресурсом и возможностями навигации между мигрантским и принимающим сообществом. Другими словами, посредничество понимается не только как перевод языковых кодов или трансляция культурных норм, но и как совокупность повседневных практик в институциональном пространстве (школа, медицина, государственные службы и т. п.); медиапространстве, в частности, интерпретация цифрового контента и коммуникаций; межличностном пространстве, когда дети становятся носителями социально значимых знаний и компетенций. Это позволит объяснить, каким образом повседневные практики младшего поколения способствуют включению мигрантов из Центральной Азии в принимающее дальневосточное сообщество.

Материалы и методы

В основу предпринятого нами эмпирического исследования положен количественно-качественный подход, ориентированный на использование методов вторичного социологического анализа, анализа статистических данных, неформализованного интервью. Мы попытались обобщить имеющиеся у нас полевые материалы, собранные в ходе наших научных изысканий в течение 2019–2024 гг.¹, и "свежие" данные, полученные в 2025 г. В общей

¹ См. подробнее:

2019–2021 гг. – проект РФФИ № 19-011-00768 "Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

2020–2023 гг. – проект РФФИ №20-511-44003 "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

2021 г. – проект РФФИ №21-011-31377 "Дальний Восток: уехать "куда" или "откуда". URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.08.2025)

сложности для анализа нами был отобран массив, состоящий из 32 интервью (n=32), проведённых в крупных дальневосточных городах – Якутске, Хабаровске, Владивостоке. В качестве информантов выступили родители-мигранты (представители мигрантского сообщества, имеющие несовершеннолетних детей) и дети-мигранты в возрасте от 10 до 17 лет. Также была проведена серия экспертных интервью с лидерами национальных диаспор, руководителями религиозных и общественных объединений, сотрудниками региональных органов власти. Анализ материалов интервью проводился в логике "обоснованной теории" [20].

Основные результаты исследования

Предваряя изложение полученных результатов, считаем целесообразным остановиться на описании демографических и социально-статусных характеристик мигрантов из Центральной Азии, проживающих на Дальнем Востоке. Половозрастное распределение показывает, что среди представителей рассматриваемой нами категории доминируют мужчины – 87,5%. Численность женщин среди представителей мигрантского сообщества значительно меньше – 12,5%. Доля лиц молодого возраста² (18–44 лет) составляет 88,6%. Если говорить о семейном положении мигрантов из стран ближнего зарубежья, то тех, кто состоит в браке – 50,1%. Имеет место корреляция между наличием официального брачного статуса (женат/замужем) и наличием детей. При этом среди мигрантов, состоящих в браке и проживающих вместе с супругой/супругом на Дальнем Востоке, доля тех, кто имеет несовершеннолетних детей (находящихся вместе с родителями) составляет 60,0%³.

Далее охарактеризуем особенности повседневных практик детей мигрантов, которые становятся основой их культурного и языкового посредничества.

Дети-мигранты как культурные и языковые посредники в повседневной жизни. Полученные результаты демонстрируют, что языковые практики детей-мигрантов характеризуются значительным разнообразием и гибкостью. В семейном кругу они преимущественно коммуницируют на родном языке, сохраняя тем самым связь с этнокультурными традициями своих родителей. Однако вне дома наблюдается активное использование русского языка как основного средства общения. Как отмечают наши информанты, в тех семьях, где дети ещё в дошкольном возрасте приехали в Россию и посещали детские учреждения, русский язык закрепляется как основной.

"В основном дети на русском разговаривают, и они ... не наши дети, а вот дети знакомых только на русском языке и разговаривают. Иногда мы на своём (кыргызском – прим. авт.) говорим, а они не понимают. А наши дети на двух языках разговаривают и нормально" (жен., 42 года, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Мы общаемся на русском языке, и дети учатся на русском языке" (жен., 40 лет, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Дочка уже всю разговаривает. Всё впитывает и быстро усваивает русский язык" (жен., 29 лет, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

В образовательной среде дети мигрантов из Центральной Азии практически полностью переходят на русский язык, языковая среда становится многослойной, что способствует формированию у них особого "гибридного" языкового репертуара, позволяющего эффективно взаимодействовать с представителями разных социокультурных групп. Этот факт отмечают и эксперты.

"Мы проводим занятия для детей разных национальностей. Между собой дети говорят только на русском. Это и есть язык межнационального

2023–2024 гг. – грант РФ № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи". URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01113/> (дата обращения: 15.08.2025)

² Согласно классификации возрастов, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): молодой возраст – 18–44 лет; средний возраст – 45–59 лет; пожилой возраст – 60–74 лет; старческий возраст – 75–90 лет; долгожители – 90 лет и старше.

³ Более подробно демографические и социально-статусные характеристики мигрантов из Центральной Азии, проживающих на Дальнем Востоке, описаны нами ранее, см. подробнее: [8; 19].

общения" (муж., 40 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

Вышесказанное относится преимущественно к детям младшего возраста, однако дети-мигранты так называемого "полуторного" поколения [15] могут испытывать значительные трудности в социализации и языковой адаптации, что не только осложняет их посредническую функцию, но и ставит под вопрос их успешную интеграцию в принимающее сообщество. Дети "полуторного" поколения, которые прибыли в новую социальную среду в сознательном возрасте (чаще всего от 7 до 14 лет), оказываются в уникальной ситуации: они уже имеют определённые культурные привычки, языковые навыки и представления о нормах, свойственных стране происхождения, но вынуждены быстро адаптироваться к новым условиям. Для иллюстрации особенностей процесса адаптации детей-мигрантов в образовательной среде можно привести цитаты из интервью с экспертами.

"Я разговаривала лично со многими родителями-мигрантами в школах, в целом схема такая: сначала работают год-два, один родитель или оба, потом привозят детей, которые вообще не говорят по-русски, и начинается проблема адаптации. В школу не хотят брать, потом, естественно, берут, либо берут в классы младшие, либо говорят подучите язык ... Кто-то приезжает на среднее звено и вообще теряет знания, так как языка не знает, и 12–13-летку сажают во второй-третий класс, возникает много проблем" (жен., 52 года, представитель общественной организации, оказывающей социальную помощь и поддержку мигрантам).

"На сегодняшний день складывается достаточно тяжелая картина, и порой в школах мы получаем по 15–20% контингента детей, которые не знают русский язык. Мы за счёт грантовых проектов через национальные объединения пытаемся решить вопрос по созданию центров по изучению русского языка, куда родители приходят вместе с детьми с тем, чтобы изучать русский язык" (муж., 58 лет, представитель региональных органов власти).

В то же время экспертные оценки показывают, что даже в ситуациях, когда дети не владеют русским языком на достаточном уровне на начальном этапе, они всё равно берут на себя роль посредников для своих семей. Участие в "нулевых классах" или центрах изучения русского языка позволяет детям освоить базовые коммуникативные навыки, которые они затем транслируют в семью. Ограниченное знание русского языка не является препятствием для выполнения детьми своей посреднической функции. Напротив, это становится стартовой точкой для постепенной интеграции всей семьи в новую социальную реальность, где дети выступают не только учениками, но и учителями для своих родителей.

Для детей-мигрантов второго поколения, часто уже имеющих российское гражданство, актуализируется проблема сохранения родного языка. Сами дети-мигранты более старшего возраста отмечают, что, несмотря на многочисленные межнациональные дружеские контакты в России, они испытывают трудности общения на родине.

"На русском общаемся. Потому что, честно говоря, на своём родном языке я с акцентом разговариваю. И на самом деле это плохо, надо знать родной язык" (юноша, 17 лет, родители – выходцы из Узбекистана).

"Ещё есть проблема. Дети, которые родились здесь и здесь живут, они не знают родного языка. Организуем курсы ... Желательно, чтобы они знали традиции, потому что представители любой нации свои корни должны знать" (муж., 56 лет, лидер национальной диаспоры).

Можно сказать, что языковое поведение детей-мигрантов формируется на пересечении двух культурных пространств, что делает их важными посредниками для семьи и одновременно ставит перед ними задачу удержания этнической идентичности. Это процесс постоянного удержания баланса, где освоение русского языка открывает возможности интеграции, а связь с родной культурой поддерживает устойчивость семейного опыта.

Медиапространство как ресурс языковой и культурной адаптации. Особую роль в освоении русского языка и культурной адаптации играет медиапространство. Дети активно потребляют контент на русском языке через различные цифровые платформы: социальные сети, стриминговые сервисы, образовательные онлайн-ресурсы. Это не только расширяет их

лингвистические возможности, но и способствует более глубокому пониманию культурного контекста принимающего сообщества.

"Даже бывает так, что приходят дети, допустим, младших классов, ничего не знают. Фильмы смотрели-смотрели пару месяцев, и уже всё нормально. Ну, чисто, смотрят телевизор, и чётко разговаривают на русском языке" (муж., 48 лет, лидер национальной диаспоры).

Однако именно медиавовлечённость детей часто вызывает опасения их родителей.

"Они (дети – прим. авт.) на русском языке смотрят мультики, но ... иногда, ну, какие-то странные. Поэтому я советские мультики им пытаюсь показывать" (жен., 42 года, приехала на Дальний Восток из Кыргызстана).

"Очень пагубно влияет на детей. Я смотрел, она (дочь – прим. авт.), например, рисовала в тетради, и у неё рисунки были какие-то ужастики. Я задумался: "Откуда?". А потом увидел историю YouTube ... Значит, у неё внутри ужастики уже в голове" (муж., 40 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

"Мы уткнулись в телефоны сейчас, все здесь и ребёнок, но он сам по себе. Или он тоже где-то с планшетом или с телефоном, таким образом, элементарного общения между родителями и детьми не происходит никакого" (муж., 29 лет, представитель мусульманской религиозной организации).

Сами дети-мигранты также отмечают, что родители часто жёстко контролируют их общение и цифровые практики, устанавливают свои правила для пользования гаджетами, актуальные в большей степени для более младшего возраста: *"сейчас уже нет, сестру контролируют, она маленькая, ей пять"; "только мультики брату разрешают иногда, ну, наверное, чтобы не сломал и не испортил"; "я маме всё сама показываю"*.

"Родители не дают денег на игры в телефоне. Когда я просыпаюсь, или когда папа приходит на перерыв, тогда я успеваю немного поиграть в его телефон. Потом я должен ждать до вечера, когда папа с мамой придут домой. Но бывают дни, когда папа даёт мне телефон, а он с мамой уходит на работу" (смеётся – прим. авт.) (мальчик, 10 лет, родители – выходцы из Узбекистана).

В целом, языковые практики детей мигрантов представляют собой сложный механизм адаптации, который обеспечивает их успешную интеграцию в принимающее сообщество при сохранении связи с культурой происхождения. Через повседневное использование разных языковых кодов они выстраивают уникальные стратегии навигации между различными социальными мирами, выполняя функцию посредников не только для своих семей, но и для более широкого мигрантского сообщества.

В отличие от традиционной модели передачи ценностей от старшего поколения к младшему, здесь наблюдается обратная динамика: родители всё чаще признают компетентность даже маленьких детей в вопросах, связанных с навигацией в новой социальной реальности. При этом ресурс языковой и медиакомпетентности детей реализуется не абстрактно, а через вполне конкретные повседневные практики, которые постепенно встраиваются в жизнь мигрантских семей. Обобщение эмпирических материалов позволяет выделить несколько типовых ситуаций, демонстрирующих, каким образом этот ресурс "работает" на уровне семьи.

Так, в ряде семей дети второго поколения становятся основными посредниками во взаимодействии с цифровыми и институциональными сервисами принимающего сообщества. Они помогают родителям ориентироваться в электронных школьных платформах, медицинских и социальных сервисах, цифровых формах записи и уведомлений. Через эту практику в семью постепенно входят новые формы коммуникации с государственными и образовательными институтами, снижается уровень неопределённости и тревожности, связанный с официальными процедурами.

Далее, языковая компетентность детей также проявляется через их роль неформальных переводчиков и интерпретаторов повседневных ситуаций. Дети объясняют родителям содержание школьных требований, правил поведения в общественных пространствах, коммуникативные ожидания со стороны учителей, врачей или представителей местного сообщества.

Также через медиапотребление детей в мигрантские семьи проникают элементы локальной и общероссийской культурной повестки: образовательный контент, новостные сюжеты, представления о досуге и стилях жизни. Родители нередко оказываются включёнными в обсуждение увиденного и услышанного детьми, что расширяет их представления о принимающем сообществе.

Получается, что посредническая роль детей в цифровом пространстве носит двойственный характер. С одной стороны, она расширяет возможности семьи для включения в принимающее общество, облегчает доступ к информации и институциональным ресурсам. С другой стороны, она усиливает зависимость взрослых от детей и может приводить к смещению традиционных моделей авторитета внутри семьи. Таким образом, посредничество выступает не только ресурсом интеграции, но и трансформирует внутрисемейные отношения, меняет их иерархию.

Заключение

Предпринятое нами исследование показало, что дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке занимают особое место в структуре мигрантского сообщества. Они не только включены в транснациональное пространство, но и выступают активными посредниками между своим ближайшим окружением и принимающим социальным пространством. Языковые практики детей формируются на пересечении двух миров: в семье доминирует родной язык, обеспечивающий связь с этнокультурными традициями, тогда как в публичной сфере ключевым ресурсом становится русский язык. В результате у детей складывается гибридный языковой репертуар, позволяющий им эффективно действовать в роли "проводников" и интерпретаторов для взрослых членов семьи в различных коммуникационных процессах и повседневных ситуациях.

Полученные нами результаты наглядно демонстрируют различия в опыте детства у совсем маленьких детей, представителей "полуторного" и второго поколения. Если для первых русский язык и медиапространство нередко становятся естественной средой социализации, то дети "полуторного" поколения чаще являются носителями "промежуточного" статуса, который можно определить как "ни там и ни здесь", сталкиваются с трудностями в школе и внутренним конфликтом идентичности. Для второго поколения, в свою очередь, актуализируется проблема сохранения родного языка и поддержания связи со страной исхода. При этом во всех поколениях именно дети берут на себя значительную часть навигационной работы в новых социальных условиях – осваивают инфраструктуру города, цифровые сервисы, коммуницируют с институтами образования, общественными и административными структурами.

В целом, можно заключить, что дети мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке выступают не пассивными объектами адаптации, а важнейшими агентами интеграционных процессов. Это позволяет говорить о необходимости более целенаправленной политики, учитывающей роль детей в миграционных стратегиях семей, включающей развитие программ языковой поддержки, поддержку образовательных инициатив национальных диаспор и общественных организаций, направленных не только на адаптацию детей, но и на использование их агентности как ресурса устойчивого развития локальных сообществ.

Литература / References

1. Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования: коллективная монография / под ред. Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. Москва: Этносфера, 2022. 169 с.
Adaptation and Integration of Children from Migrant Families in the Russian Education System: A Collective Monograph / eds. E. A. Omelchenko, A. A. Shevtsova. Moscow: Etnosfera, 2022. 169 p. (In Russ.)
2. Ардальянова А. Ю. Цифровые аспекты социального благополучия детей из семей мигрантов: исследовательская практика на Востоке России. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2025. № 1. С. 3–10. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2025-1-3-10>

- Ardalyanova A. Yu. Digital Aspects of the Social Well-Being of Children from Migrant Families: Research Practice in the Russian Far East. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025. No. 1. P. 3–10. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2025-1-3-10> (In Russ.)
3. Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В., Яковлев А. И. Вкус дома, поиск любви и сила веры: повседневные практики мигрантов в дальневосточных городах. *Периферия. Журнал исследования нестолочных пространств*. 2025. № 4 (9). С. 19–30. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-9-19-30>
Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Yakovlev A. I. The Taste of Home, the Power of Faith, the Search for Love: Everyday Practices of Migrants in Far Eastern Cities. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2025. No. 4 (9). P. 19–30. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2025-9-19-30> (In Russ.)
 4. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Обретение "дома"? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России. *Мир России. Социология. Этнология*. 2023. Т. 32, № 4. С. 71–95. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95>
Bliakher L. E., Leontyeva E. O. Finding "Home": Differentiation Within Migration Flow as a Factor Determining Identity Formation in the Far East of Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 71–95. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95> (In Russ.)
 5. Варнавский П. К. Мусульманская община Улан-Удэ в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2016. Т. 18, С. 107–115.
Varnavskiy P. K. The Muslim Community of Ulan-Ude in the Context of Interaction between Migrants and Host Society. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2016. Vol. 18, P. 107–115. (In Russ.)
 6. Винокурова А. В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 4 (43). С. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/95-104>
Vinokurova A. V. The Life Strategies and Everyday Practices of Families of Uzbek Migrant Workers (on the Example of Primorye Territory). *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 4 (43). P. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/95-104> (In Russ.)
 7. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 4 (67). С. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22>
Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign Migration in the Russian Far East: Main Trends. *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 4. P. 23–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22> (In Russ.)
 8. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. "Третье место" в повседневности молодых мигрантов дальневосточных городов. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17, № 10. С. 1847–1862.
Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. "Third Place" in the Everyday Life of Young Migrants in Far Eastern Cities. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 17, No. 10. P. 1847–1862. (In Russ.)
 9. Гамерман Е. В. Миграция и безопасность в Северо-Восточной Азии: политические и экономические аспекты. *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 55–69. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.28836>
Gamerman E. V. Migration and security in North-East Asia: political and economic aspects. *International relations*. 2020. No. 2. P. 55–69. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.28836> (In Russ.)
 10. Григоричев К. В. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска. *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 14–31.
Grigorichev K. V. The "Tajik", "Non-Russians", "Gastarbeiters", and Others: Foreign Migrant Workers in the Suburbs of Irkutsk. *Ethnographic Review*. 2012. No. 4. P. 14–31. (In Russ.)
 11. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. Москва: Восточный центр государственного планирования. 48 с. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=m907bfwa15380585962 (дата обращения: 17.08.2025).
Demographic Profile of the Far Eastern Federal District. Moscow: Eastern Center for State Planning. 48 p. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=m907bfwa15380585962 (accessed 17.08.2025) (In Russ.)
 12. Купряшкин И. В. Мигранты: жертвы или злодеи. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2021. № 1. С. 71–81. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-71-81>
Kupryashkin I. V. Migrants: Victims or Villains? *Bulletin of Buryat State University*. 2021. No. 1. P. 71–81. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-1-71-81> (In Russ.)
 13. Мишук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты. *Региональная экономика: теория и практика*. 2018. Т. 16, № 6. С. 1028–1040. <https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028>

- Mishchuk S. N. Implementation of modern migration policy in the Russian Far East: federal and regional aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2018, Vol. 16, No. 6. P. 1028–1040. <https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028> (In Russ.)
14. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.2>
Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 1. P. 27–40. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.2> (In Russ.)
15. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей-мигрантов – представителей "полуторного поколения". *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2013. № 2 (11). С. 192–209.
Mukomel V. I. Features of Adaptation and Integration of Migrants' Children, Representatives of "One-and-a-half Generation". *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2013. No. 2 (11). P. 192–199. (In Russ.)
16. Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 1 (44). С. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145>
Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. Integration of Second-Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Region: Educational Trajectories and Employment. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2019. No. 1 (44). P. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145> (In Russ.)
17. Сердюков К. Н. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (на примере Приморского края). *Вестник университета*. 2023. № 7. С. 233–240. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-233-240>
Serdyukov K. N. Demographic and Migration Processes in the Far East of Russia (on the example of Primorsky Krai). *Vestnik universiteta*. 2023. No. 7. P. 233–240. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-233-240> (In Russ.)
18. Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы. *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11, № 3. С. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>
Serdyukov K. N. Crime of Foreign Migrants in Russia: Facts and Speculation. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 3. P. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716> (In Russ.)
19. Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 3. С. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22>
Serdyukov K. N., Vinokurova A. V. Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case. *Oikumena. Regional Researches*. 2024. No. 3. P. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22> (In Russ.)
20. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
Strauss A., Korbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. (In Russ.)
21. Ушева Т. Ф., Мункоева Н. А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10, P. 47–57.
Usheva T. F., Munkoeva N. A. Social Adaptation of Migrant Children in General Education Schools. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10, P. 47–57. (In Russ.)
22. Marcus G. Myers F. The Traffic in Culture: Refiguring Art and Anthropology. California: Berkeley, 1995. 380 p. URL: <https://archive.org/details/trafficinculture0000unse> (accessed 10.12.2025)
23. Orellana M. F. Translating Childhoods: Immigrant Youth, Language, and Culture. Rutgers University Press, 2009. 224 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/marjorie-faultstich-orellana/pdf-translating-childhoods-immigrant-youth-language-and-culture-rutgers-series-in-childhood-studies-download/> (accessed 10.12.2025)
24. Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Lam W. S. E. Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*. 2001. Vol. 48, Issue 1. P. 572–591. URL: <https://academic.oup.com/socpro/article-abstract/48/4/572/1660773?redirectedFrom=fulltext> (accessed 10.12.2025). <https://doi.org/10.1525/sp.2001.48.4.572>
25. Roche K. M., Lambert S. F., Ghazarian S. R., Little T. D. Adolescent Language Brokering in Diverse Contexts: Associations with Parenting and Parent–Youth Relationships in a New Immigrant Destination Area. *Journal of Youth and Adolescence*. 2015. Vol. 44, P. 77–89. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10964-014-0154-3> (accessed 10.12.2025). <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0154-3>
26. Rosaldo R. Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. Boston: Beacon Press, 1989. 280 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/renato-rosaldo/pdf-epub-culture-and-truth-the-remaking-of-social-analysis-download/> (accessed 10.12.2025)
27. Tse L. Language Brokering in Linguistic Minority Communities: The Case of Chinese- and Vietnamese-American Students. *Bilingual Research Journal*. 1996. Vol. 20, Issue 3–4. P. 485–498. URL: <https://>

ncela.ed.gov/sites/default/files/legacy/files/rcd/BE022362/Language_Brokering.pdf
10.12.2025)

(accessed

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova.av@dvfu.ru

Елена Юрьевна Костина, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova.av@dvfu.ru

Elena Yu. Kostina, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Поступила в редакцию 15.12.2025

Одобрена после рецензирования 08.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 15.12.2025

Approved 08.02.2026

Accepted 26.02.2026